

На правах рукописи

Ившин Леонид Михайлович

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ УДМУРТСКОЙ ГРАФИКИ
И ОРФОГРАФИИ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

Специальность 10.02.02 – языки народов Российской
Федерации (финно-угорские и самодийские языки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Ижевск 2009

Работа выполнена на кафедре общего и финно-угорского языкознания
ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» и
в Учреждении Российской академии наук «Удмуртский институт истории,
языка и литературы Уральского отделения РАН»

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор
В. К. Кельмаков

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
доцент **А. Ф. Шутов**

кандидат филологических наук,
доцент **О. А. Сергеев**

Ведущее учреждение: Пермский государственный педагогический
университет

Защита состоится 28 мая 2009 года в 10 часов на заседании объеди-
ненного диссертационного совета ДМ 212.275.06 при ГОУ ВПО «Удмуртский
государственный университет» (426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1,
корп. 1).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ГОУ ВПО
«Удмуртский государственный университет»

Автореферат разослан «__» апреля 2009 года

Ученый секретарь
диссертационного совета ДМ 212.275.06

И. А. Красноперова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена изучению графики и орфографии 21 памятника удмуртской письменности XVIII – первой половины XIX века. Делается попытка проанализировать становление и развитие графической системы и орфографии удмуртского языка в указанный исторический период.

Актуальность исследования. Десять памятников удмуртской письменности XVIII века в свое время были проанализированы и изданы отдельной одноименной книгой Т. И. Тепляшиной [1965], где были затронуты вопросы, касающиеся графики письменных памятников, а также их диалектных и лексических особенностей. Однако орфография никогда не была объектом исследования ученых. Актуальность темы продиктована также тем, что без подробного анализа начального этапа развития письменности трудно решать проблемы современного литературного языка. Недостаточная изученность памятников удмуртской письменности привела к ошибочным и необоснованным выводам по общетеоретическим проблемам языка, в частности, по вопросам возникновения удмуртской письменности и его дальнейшего развития, истории графики, а также зарождения удмуртского литературного языка.

Объектом исследования являются рукописные и печатные памятники удмуртской письменности XVIII – первой половины XIX века.

Предмет исследования – графика и орфография удмуртского языка XVIII – первой половины XIX века.

Цель исследования: изучение становления и развития графики и орфографии удмуртского языка XVIII – первой половины XIX века. Цель исследования предопределила постановку следующих **задач**:

- а) описание исторических причин и условий появления удмуртских письменных памятников;
- б) подробный графический анализ каждого письменного памятника удмуртского языка периода XVIII – первой половины XIX века и установление определенных принципов правописания в них;
- в) исследование развития удмуртской графики и орфографии в XVIII – первой половине XIX века;
- г) анализ языковых особенностей памятников удмуртской письменности рассматриваемого периода, а именно диалектных (на уровне фонетики и морфологии) и лексических.

Научная новизна темы диссертационной работы заключается в следующем:

- 1) впервые поставлена проблема орфографии в ранних письменных памятниках удмуртского языка;

2) впервые сделана попытка выявить определенные закономерности в написании удмуртских слов и форм средствами заимствованной графики

3) прослеживается становление и развитие удмуртской графики и орфографии в XVIII – первой половине XIX века;

4) в науку вводятся и анализируются материалы малоисследованных памятников удмуртской письменности;

5) исследуются языковые особенности письменных памятников, в частности, диалектные (на уровне фонетики и морфологии) и лексические.

Теоретическая и практическая значимость диссертации состоит в том, что она создаст базу для написания всеобщей истории удмуртской графики и орфографии. Результаты исследования могут быть использованы в лекционных и практических курсах по графике и орфографии современного удмуртского языка и истории удмуртского литературного языка. Материалы диссертации будут полезны писателям, поэтам и журналистам в деле совершенствования своего языка. Исследование предоставляет материал составителям толкового, этимологического, исторического и диалектного словарей удмуртского языка.

Методы исследования. Основным методом исследования является описательный. В необходимых случаях используются также сравнительно-сопоставительный и статистический методы.

Теоретической и методологической базой послужили труды отечественных и зарубежных ученых: В. И. Алатырева, И. В. Тараканова, А. С. Бабинцева, Т. И. Тепляшиной, Г. И. Лаврентьева, В. М. Вахрушева, В. К. Кельмакова, В. Ф. Ивановой, А. И. Кайдаловой и И. К. Калининой, Б. И. Осипова, Ш. Чуча, Б. И. Каракулова, Я. Гуи, О. А. Сергеева, В. В. Напольских и др.

Источником исследования явились печатные и рукописные памятники удмуртской письменности XVIII – первой половины XIX века (лингвистические материалы Д. Г. Мессершмидта, Ф. Й. Страленберга, Г. Ф. Миллера, И. Э. Фишера, П. Фалька, первая грамматика удмуртского языка «Сочинения принадлежащая къ грамматикѣ вотскаго языка», удмуртско-русский словарь З. Кротова, рукописные словари, первые переводы Евангелий на удмуртский язык и Азбуки на глазовском и сарапульском диалектах) – всего 21 название.

В нашей работе мы также опираемся на материалы письменных памятников, представленные в исследованиях ученых: в монографии Т. И. Тепляшиной «Памятники удмуртской письменности XVIII века» [1965а], в издании финно-угроведа Яноша Гуи «Vocabularium Sibiricum: (1747); der etymologisch-vergleichende Anteil» [Gulya 1995], в книге В. В. Напольских «Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта» [2001] и др.

На защиту выносятся следующие положения:

– удмуртская письменность возникла (зародилась) в первой трети XVIII столетия на основе латиницы, а кириллица впервые была использована для записи удмуртского стихотворения в 1769 году;

– графическая система, использованная в книге «Сочинения принадлежащая къ грамматикѣ вотскаго языка» 1775 года, послужила основой при составлении памятников конца XVIII и первой половины XIX века;

– элементы орфографии, полученные от русской письменности XVIII века и заложенные в грамматике 1775 года, повторяются в последующих письменных памятниках, но с началом издания больших текстов на удмуртском языке, эта «орфография» развивается в сторону ухудшения;

– в памятниках письменности исследуемого периода отражены диалектные особенности как южноудмуртского, так и северноудмуртского наречий;

– язык переводных изданий 1847 года наддиалектен;

– письменные памятники удмуртского языка XVIII и первой половины XIX века, кроме общеупотребительных слов, отразили диалектную, этнографическую, устаревшую и религиозную лексику.

Апробация результатов исследования. Основные положения исследования докладывались и обсуждались на республиканских (Глазов 2003), региональных (Ижевск 2001; Кудымкар 2006; Пермь, 2008;), всероссийских (Ижевск 2001; Сыктывкар 2008) и международных (Кудымкар 2001; Москва 2001, 2007; Ижевск 2002, 2005, 2008; Пермь 2005; Чебоксары 2006; Глазов 2009) конференциях и симпозиумах. По теме диссертации опубликовано 30 научных работ, в том числе одна статья – в издании, рекомендованном ВАК РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений, библиографии и приложений. В качестве приложений включены ксерокопии (по одной странице) 3 рукописных памятников удмуртской письменности первой трети XIX века. Общий объем исследования составляет 189 страниц.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В первом **разделе введения** обосновывается выбор темы, ее актуальность, научная новизна, раскрываются цели и задачи, теоретическая и практическая значимость работы, указываются методы и источники исследования. Во **втором разделе** освещаются исторические предпосылки появления памятников удмуртской письменности, которые сводятся к трем пунктам: 1) политике культурного развития страны, 2) идее создания «Сравнительного словаря всех языков и наречий» под редакцией П. С. Палласа и 3) деятельности христианской церкви. **Третий раздел** посвящен истории изучения и выявления письменных памятников удмуртского языка. Лингвистическому анализу 10 памятников удмуртской письменности XVIII века разного объема и характера (лексических материалов Ф. Й. Страленберга, Г. Ф. Миллера, И. Э. Фишера, П. С. Палласа, грамматик удмуртского языка, удмуртского перевода молитвы «Отче наш» и двух стихотворений на удмуртском языке) посвящена книга «Памятники удмуртской письменности XVIII века» [Тепляшина 1965а]. Памятникам дана определенная характеристика: сведения

об их объеме, месте хранения, дате создания; на основе исследования графических, фонетических, морфологических и лексических особенностей каждого из них определена принадлежность к тому или иному диалекту удмуртского языка.

Необходимо отметить, что памятники анализировались исследователями все же поверхностно и фрагментарно. Рассматривая ранние издания на удмуртском языке, они обращали большее внимание на диалектные и отчасти графические особенности того или иного письменного памятника, а орфография изучалась недостаточно.

Глава 1. «Памятники удмуртской письменности XVIII века, написанные на основе латиницы». В данной главе, состоящей из четырех разделов, рассматриваются вопросы, связанные с возникновением удмуртской письменности, историей изучения удмуртской графики и орфографии, а также анализируются письменные памятники, составленные на основе латиницы: лексические материалы Д. Г. Мессершмидта, Ф. Й. Страленберга, Г. Ф. Миллера и Й. Э. Фишера, а также перевод на удмуртский язык молитвы «Отче наш».

В разделе **«Возникновение удмуртской письменности»** дается обзор работ ученых, попутно или специально затрагивающих вопросы зарождения письменности у удмуртов. По этому поводу существуют различные точки зрения. Одни исследователи возникновение письменности связывают с временем опубликования первого удмуртского четверостишия (1769 г.), другие – с изданием первой грамматики удмуртского языка (1775 г.) По мнению некоторых исследователей, письменность на удмуртском языке возникла в начале XVIII века, когда удмуртские слова были впервые записаны средствами латинской графической системы. Мы придерживаемся последнего мнения.

Раздел **«История изучения удмуртской графики»** посвящен истории исследования графических особенностей памятников ранней удмуртской письменности. Развитие графики рассматривалось специально или попутно при разработке вопросов удмуртской орфографии или изучении письменных памятников в работах ряда удмуртских лингвистов. Отдельные работы исследователей ограничиваются краткой аннотацией некоторых ранних памятников удмуртского языка: В. И. Лыткина и Т. И. Тепляшиной [ГСУЯ 1962; 1976]; Т. И. Тепляшиной [1965а]; В. И. Алатырева [1970]; И. В. Тараканова [1971; 1992; 1998б]; В. М. Вахрушева [1988]; Б. И. Каракулова [1991]; О. А. Сергеева [1997]; В. К. Кельмакова [2001а; 2001б; 2002б].

Другие исследования посвящены лингвистической характеристике какого-нибудь одного памятника письменности, в частности, языковых данных Д. Г. Мессершмидта – В. В. Напольских [1998; 2001]; списка слов Ф. Й. Страленберга – В. В. Напольских [2002]; В. К. Кельмакова [2008]; первой грамматики 1775 года – И. В. Тараканова [1959; 1965]; В. И. Алатырева [1975а; 1975б; 1976; 1977]; В. М. Вахрушева [1975; 1976]; В. М. Вахрушева и В. Н. Денисова [СУЯ 1992]; Е. Б. Беловой [2002]; словаря З. Кротова – Т. И. Тепляшиной [1971; 1973; 1995]; первых переводов Евангелий на удмуртский язык и Азбук – Б. И. Ка-

ракулова [1987а; 1987б; 1997; 2000]; В. М. Вахрушева и В. Н. Денисова [СУЯ 1992]; А. Ф. Шутова [1997]; В. К. Кельмакова [2004; 2007; 2008]

Однако вышеуказанные работы не содержат подробного исследования графических особенностей этих письменных памятников.

В разделе **«Из истории изучения удмуртской орфографии»** дан обзор работ, посвященных исследованию принципов написания слов в памятниках ранней письменности. Анализ орфографических особенностей ранних памятников удмуртской письменности не был предметом специального изучения. Ученые (В. И. Алатырев, А. С. Бабинцев, Г. И. Лаврентьев, Т. И. Тепляшина, И. В. Тараканов и др.), так или иначе касаясь вопросов правописания в письменных памятниках, ссылались только на заимствование русской системы правописания XVIII века для удмуртского языка, а сама орфография почти не рассматривалась.

Некоторые специалисты по истории языков сомневаются в наличии орфографии в ранних письменных памятниках. Так, Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева, исследуя древненемецкие памятники, отмечают, что орфография немыслима без единообразного написания слов и морфем, принятого если не всеми, то многими авторами и писцами. По их словам, в древненемецких памятниках нет не только общей для всего языка орфографии, но даже и обязательного и единообразного написания тех или иных слов или морфем в одном памятнике, у одного писца [Зиндер, Строева 1965: 26]. Таким образом, орфографии, в строгом понимании этого термина, в древненемецком языке не было. Не было ее, возможно, и в ранних памятниках удмуртского языка. Но, несмотря на это, определенная система написания слов имела место, а, значит, были несформированные правила (элементы) орфографии.

В разделе **«Памятники удмуртской письменности на основе латинской графики»** анализируются удмуртские лексические материалы, зафиксированные в XVIII веке в опубликованных или рукописных работах ученых-естествоиспытателей Д. Г. Мессершмидта, Ф. Й. Страленберга, Г. Ф. Миллера и Й. Э. Фишера во время их экспедиций к народам Поволжья, Сибири и Дальнего Востока.

Дневники Д. Г. Мессершмидта содержат удмуртский словарь, который превосходит по объему не только словник Ф. Й. Страленберга, но и словари Г. Ф. Миллера, П. С. Палласа, П. Фалька и Й. Э. Фишера. Помимо этого, материалы Д. Г. Мессершмидта особенно ценны еще и потому, что они строго документированы во временном и пространственном отношении: точно известно время (декабрь 1726 года) и место (удмуртские деревни по реке Чепца – Глазовка, Балезина, Юска и др.) сбора.

Лингвистические материалы Ф. Й. Страленберга были опубликованы в 1730 году в г. Стокгольме на немецком языке в книге «Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia, In so weit solches Das ganze Russische Reich mit Siberien und den grossen Tataren in sich begreiffet...» [Strahlenberg 1730]. Она была издана в русском переводе в 1797 году под названием «Историческое и

географическое описание северной и восточной частей Европы и Азии». В книге приведено около шестидесяти немецких слов с переводом их на различные языки народов Азии и Европы, в том числе, на удмуртский. В небольшой список удмуртских слов (всего 29) вошли количественные числительные (от 1 до 10 включительно), названия некоторых частей тела и природных явлений.

Г. Ф. Миллер за время пребывания в Камчатской экспедиции (1733–1743), наряду с собиранием исторических и географических данных, интенсивно занимался фиксацией словарного материала разных народов Сибири и Поволжья. В опубликованной этим ученым работе «Sammlung russischer Geschichte» на страницах 382–409 приведен «Словарь немецко-татарско-черемисско-чувашско-вотско-мордовско-пермяцко-зырянский», в котором содержится около 250 удмуртских слов.

Материалы другого участника Камчатской экспедиции – академика истории и археологии Й. Э. Фишера – приводятся в монографии Т. И. Тепляшиной, посвященной исследованию памятников удмуртской письменности XVIII века, но не в полном объеме (всего 37 удмуртских слов). Наиболее полное лингвистическое наследие Й. Э. Фишера по удмуртскому языку увидело свет в статье венгерского ученого Шандора Чуча под названием «Об одном памятнике удмуртской письменности XVIII века» [Csúcs 1983: 311–320]. Здесь автор в алфавитном порядке, сохраняя транскрипцию оригинала и этимологические замечания Й. Э. Фишера, приводит список слов, собранный исследователем предположительно в 30-е годы XVIII столетия (всего 295 удмуртских слов). В 1995 в Германии выходит книга Яноша Гуи под названием «Vocabularium Sibiricum: (1747); der etymologisch-vergleichende Anteil» («Вокабуляр Сибири: (1747); Сравнительно-этимологическая часть») [Gulya 1995]. В ней дается краткое описание содержания рукописи Й. Э. Фишера, приводятся 316 словарных статей (по оригиналу), из которых 128 содержат удмуртские слова. На первом месте стоит латинское слово, затем немецкое. Этимологии слов приводятся по языковым семьям: на первом месте – уральская, на втором – индогерманская, на третьем – тюркская и т. д.

Молитву «Отче наш» на удмуртский язык перевел неизвестный переводчик, а исследователь Фридрих Аделунг послал перевод молитвы своему дяде И. Х. Аделунгу, который напечатал присланный текст в своей книге «Mithridates oder allgemeine Sprachenkunde» в 1806 году в Берлине [Adelung 1806].

Проанализировав словарь Д. Г. Мессершмидта, список слов Ф. Й. Страленберга, словарь Г. Ф. Миллера, «Вокабуляр Сибири» Й. Э. Фишера и перевод молитвы «Отче наш», мы можем сделать следующие выводы: для записи удмуртских слов вышеперечисленные исследователи применили немецкую графическую, а в некоторых случаях, орфографическую систему. Для того, чтобы все это представить нагляднее, покажем в таблице, как каждый из этих ученых обозначил специфические удмуртские звуки средствами латиницы.

Таблица 1.

Звуки удм. языка	Д. Г. Мессершмидт	Ф. Й. Страленберг	Г. Ф. Миллер	Й. Э. Фишер	Молитва «Отче наш»
ы (+)	y, yi, i, e, u, ö	i, e, y	ü, i, e, ui	ü, i, ui, y	ü, i
ö (2)	ö, y, öe	ee, iö	ü, ö, e	e, i, ü, u	e
э (e)	e, æ	e	e, ä, a, ie, a, ü	e, ie, ä (a), i	e
и (i)	tsch	–	tsch	tsch	–
ч (c)	tsch	–	tsch	tsch	z
ль (l)	–	–	dsch	dsch	–
ль (r)	dsh, ds, sh, ss	–	dsch	dsch	–
ш (š)	sch	–	sch	sch	sch
жс (ž)	sh	–	sch	sch	–
η	ng, hn	–	n, ng	n	–
ρ	hw, wu	–	–	w	–

Из таблицы видно, что наиболее трудным для обозначения удмуртских фонем был звук *ы*. В материалах Д. Г. Мессершмидта он передается шестью способами (пятью различными буквами и одним буквосочетанием). В словнике Ф. Й. Страленберга этот звук обозначен тремя разными знаками. Г. Ф. Миллер и Й. Э. Фишер в своих словарях на месте звука *ы* использовали по три буквы и одному буквосочетанию.

Не менее трудной для передачи была специфичная фонема *ö*, для обозначения которой Д. Г. Мессершмидт использовал две буквы и буквосочетание, Ф. Й. Страленберг – два буквосочетания, Г. Ф. Миллер – три различных знака, Й. Э. Фишер – четыре буквы. В переводе молитвы использован один знак.

Большая пестрота графических знаков наблюдается также в передаче удмуртского *э*. Как нам кажется, подобное разнообразие в обозначении удмуртских звуков можно объяснить тем, что исследователи пытались максимально точно передать услышанные ими звуки, отсутствующие в их родном немецком языке.

Глава 2 «Памятники удмуртской письменности на основе кириллицы (XVIII – первая половина XIX века)» состоит из шести разделов. В ней анализируются особенности графики и орфографии письменных памятников удмуртского языка, написанных на кириллической графической системе.

Первый раздел «Словари Г. Ф. Миллера, П. С. Палласа, П. Фалька и первые стихотворения на удмуртском языке» посвящен характеристике графических особенностей и элементов орфографии словников путешественников-естествоиспытателей Г. Ф. Миллера (русскоязычное издание), П. С. Палласа и П. Фалька, а также первых стихотворений на удмуртском языке, написанных на основе кириллицы.

Как известно, впервые кириллица была использована в 1769 г. при опубликовании первого удмуртского четверостишия. Второе стихотворение в десять строк было издано в «Сочинениях в прозе и стихах» в Москве 1782 г. [Тепляшина 1965а: 226]. Материалы Г. Ф. Миллера в 1791 году были транс-

литерированы буквами кириллического алфавита, что отразилось на качестве записей – появились многочисленные искажения. Лингвистические материалы П. С. Палласа впервые увидели свет в книге «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы», изданной в 1787–89 гг. Позднее этот труд был выпущен вторым изданием «Сравнительный словарь всех языков и наречий по азбучному порядку расположенный» (1790–91 гг.). Сюда вошло 285 удмуртских слов. Удмуртский лексический материал П. Фалька в количестве 37 слов, по словам Т. И. Тепляшиной [1965а: 116], впервые был опубликован в книге «Полное собрание ученых путешествий по России» в 1824 г.

Исследовав графические особенности лексических материалов вышперечисленных ученых и первых стихотворений на удмуртском языке, мы пришли к такому заключению: обозначение удмуртских звуков буквами русского алфавита в этих памятниках далеко не последовательно (см. таблицу 2).

Таблица 2.

Звуки удм. языка	Г. Ф. Миллер	П. С. Паллас	П. Фальк	Стихотворения
ö (z)	е, э, ю, у	е, э, ы, о	ое	е, э
йö (jz)	Е	е	–	–
ы (+)	ы, и, ю, е, а, уи	ы, и	ы, и	Ы
ь (ç)	Дж	ж	дш	–
ъ (ç)	дз, з, ч, дж	дз, з, дж	дз	дз, з
ч (ç)	Ч	ц, ч	дз, ш	ц
и (ç)	Ч	ч	–	–
η	н, нг	нг	–	–
d (ç)	–	у, ув	–	–

Судя по таблице, в материалах Г. Ф. Миллера и П. С. Палласа удмуртский *к* передается четырьмя способами. В списке слов П. Фалька и первых удмуртских стихотворениях этот гласный обозначен двумя разными знаками.

Трудным для обозначения на письме был также гласный *ы*, для передачи которого Г. Ф. Миллер использовал пять букв и одно буквосочетание, П. С. Паллас и П. Фальк – две различные буквы.

Разнообразие графических знаков наблюдается также в передаче звонкой удмуртской палатальной аффрикаты *ь*. Как видим из таблицы, в материалах Г. Ф. Миллера она обозначается четырьмя способами (двумя разными буквами и двумя буквосочетаниями). В словарице П. С. Палласа этот звук обозначен тремя способами.

Во втором разделе «Сочинения принадлежащая къ грамматикѣ вятскаго языка» рассматриваются графические особенности и элементы орфографии первой грамматики удмуртского языка 1775 года.

Особенности графики этого письменного памятника были объектом исследования многих ученых [Алатырев 1956: 60; 1975а: 8–9; Тараканов 1965: 229–230; 2001: 297; Тепляшина 1965а: 136–138; Вахрушев 1975: 7–11]. Однако во всех этих работах графическая и орфографическая система данного

памятника анализируется недостаточно, фрагментарно – попутно с освещением особенностей фонетического, морфологического и лексического плана.

В грамматике все слова написаны буквами кириллицы, и, кроме того, графема *g* заимствована из латинской графики. Алфавит, примененный в «Сочинениях», состоит из 40 букв – **а, б, в, г, г, д, дж, дз, е, ё, ё (ю), ж, з, и, û, î (ï), î, й, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ув, ц, ч, ш, ъ, ы, ь, т, э, э, ю, я**. Большинство из них имеют прямые соответствия в современном удмуртском языке. Специфические удмуртские звуки обозначаются следующим образом:

1. Фонема *ö* (z) передается буквами *э* или *е* (в большинстве слов): *Песь* [pɛs'] 'жарь', *Тель* [tɛl] 'вптерь', *Кэй* [kɛj] 'сало' *Сэнь* [sɛn] 'жила' или графемой *о* или *а* (в единичных случаях): *Поськи* [pɔs'kɔ] 'болячка', *Арекциясь* [ɔrɛkɔsɔ] 'лжець'.

2. Звук *ы* (+), как правило, обозначается буквой **ы**: *Пышь* [pɔʃ] 'конопель', *Кырныжъ* [kɔrnɔʃ] 'воронь'. Однако часто он передается знаком **и** или **û** в следующих случаях: а) в начале слова (*Имъ* [+m] 'ротъ'); б) после шипящих **ж** и **ш** (*Мыжикъ* [mɔʃkɔ] 'кулакъ', *Ширъ* [ʃɔr] 'мышь'); в) после парных по велярности/мягкости согласных (*Кезитъ* [kɛz'ɪt] 'морозъ', *Нилъпу* [n'ɪlpɪ] 'пихта', *Мули* [mulɔ] 'ягода'); г) после инициального *й*- (*Йуръ* [jɔr] 'голова').

3. Фонема *ç* передается латинской буквой **g**: *Гыръпумъ* [gɔrɪpɪm] 'локоть', *Эгырь* [ɛgɔr] 'уголь', *Чогъ* [çog] 'гвоздь'. В единичных случаях она обозначена русской г: *зюцьгуби* [ɟsɟɪbɪ] 'гриб'.

4. Звонкая велярная аффриката *ь* (ç) обозначена буквосочетанием **дж**: *Джитъ* [ɟɪt] 'вечерь', *Джомытъ* [ɟomɪt] 'сумерки'.

5. Удмуртская палатальная аффриката *ъ* (ç) (в позиции перед *и, е, ю, я, е*) передается сочетанием **дз** (в большинстве случаев) и графемой **з**: *Дзярь* [ɟar] 'зоря', *Дзюзь* [ɟɔz] 'сверчокъ', *Дзици* [ɟɪsɔ] 'лисица', *Пенземъ эгырь* [pɛn'ɛtɛgɔr] 'пепель', *небзиско* [n'ɛbɪs'ko] 'мякнү'.

6. Глухая палатальная аффриката *ч* (ç) (в позиции перед *и* и йотированными гласными *е, ю, я, е*) обозначена буквой **ц**: *Цилекьянь* [cɪl'ɛkɟan] 'молния', *Цеберъ* [cɛbɛr] 'красота', *цотыско* [cɔtɔs'ko] 'хромаю', *цяль* [cɔl] 'скоро'. Перед нейотированными буквами эта фонема передается буквой **ч**: *Чагъвозэнь* [çagvɔz'ɔn] 'свттець'.

7. Глухая велярная аффриката *и* (ç) обозначается двумя способами: а) буквой **ч** (систематически): *Чукъ* [çuk] 'утро', *Чогокый* [çogokɟɪ] 'ужь', *Пычь* [pɔç] 'блоха'; б) знаком **ц** (в единичных случаях): *Цэжь* [çɛʃ] 'утка', *Коцишь* [kɔçɔʃ] 'котъ, кошка', *Цюжонъ* [çuʃɔn] 'метла, втникъ'.

8. Бибиальный согласный *d* (ç), встречающийся в анлауте перед гласным *а*, передается графемой **у**, а также буквосочетание **ув**: *Уаръ* [ɟar] 'слуга', *уатыско* [ɟatɔs'ko] 'храню, погребаю, хороню'.

9. Заднеязычный носовой сонант *η* обозначается буквой **н** или сочетанием **нг**: *Ужъпунъ* [uʃpɪn] 'дтло', *Лянгесъ* [l'ɔnɛs] 'ведерко'.

В первой грамматике удмуртского языка определенная система написания слов и морфем уже налична, а значит, имеются несформулированные правила (элементы) орфографии: 1) в конце слова, а иногда и в середине – перед вторым компонентом сложного слова – пишется **ъ**: *Пиштонъ* 'лучь', *Уйналь* 'ствер', *Вузъкаронъ* 'продажа, торгь'; 2) сочетания *жы* и *шы* пишутся через **и** (**жи**, **ши**): *Мыжикъ* 'кулакъ', *Кежи* [kžž] 'горохъ', *Шидъ* 'похлебка, щи'; 3) гласные **е**, **ё** (в памятнике – **іѳ**), **ю**, **я** двузначны. В одних случаях они обозначают мягкость предшествующего согласного и звуки э, о, у, а: *Пилемъ* [pil'em] 'облакъ', *Сюлемъ* [s'ulem] 'сердце', *Висіѳонъ* [vis'ɔn] 'болтзнь', в других случаях – сочетание звуков *іэ*, *іо*, *іу*, *іа*: *Югытъ* [jug+t] 'святъ', *Ятырь* [jat+r] 'довольство, множество', *Егумъ* [jegit] 'молодой'; *Іѳзъ* [joz] 'составъ'; 4) морфемы падежей имеют единообразное написание: а) показатель родительного падежа – *лэнь*: *піѳдъ-лэнь* 'твоего сына', *тэльзы-лэнь* 'ихъ лпса'; б) показатель дательного падежа – *лы*: *пидылы* 'вашему сыну', *тэльзэ-лы* 'его лпсу'; 5) частицы (*эй*, *эм*, *эзъ*, *ум*, *уд*, *уз*, *уг*), как правило, пишутся слитно с теми словами, к которым они относятся: *Монъ угверасъкы* 'я не сказываю', *тонъ удверасъкы* 'ты не сказываешь', *сойѳсъ эзъвералэ* 'они не сказывали'.

Эта «орфография», полученная от русской письменности XVIII века, изменяясь в соответствии с развитием орфографии русского и удмуртского языков, применяется для составления последующих письменных памятников.

Ценность грамматики 1775 года состоит в том, что это – первый наиболее авторитетный печатный источник, в котором на основе русской графики и орфографии был запечатлен большой удмуртский лексический и, в некоторой степени, грамматический материал. Можно утверждать, что в истории удмуртской письменности графическая система грамматики оказала определенное влияние на традиции буквенного обозначения удмуртских звуков и форм в более поздних рукописных и печатных памятниках. Следует указать на и то, что практически во всех изданиях, вышедших в конце XVIII (словарь З. Кротова, грамматика М.Могиллина) и первой половине XIX века (рукописные словари, переводы Евангелий, Азбуки), приемы передачи удмуртских звуков и написания слов, примененные в первой печатной грамматике «Сочинения принадлежащая къ грамматикѣ вотскаго языка», выдерживаются довольно-таки последовательно.

Третий раздел под названием «Удмуртско-русский словарь Захарии Кротова» знакомит читателя с графической системой и принципами написания слов в рукописном удмуртско-русском словаре священника З. Кротова.

Данный памятник ранней удмуртской письменности под названием «Краткой вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захарією Кротовымъ» был написан в 1785 году. Этот лексикографический труд по своему объему является самым большим из сохранившихся памятников XVIII

столетия: он содержит более 5000 слов и словосочетаний. На 286 страницах рукописи слова расположены в два столбца по алфавиту.

В рукописном словаре З. Кротова удмуртские слова написаны буквами кириллицы, кроме того, буквы **g**, **j** заимствованы из латинской графики. Также в некоторых словах отмечена греческая буква **ε** (эпсилон), употребляющаяся для обозначения гласного э (e), например, *пэзгытъ* [pez'g+t] 'хитрый, хитро, храбрый, храбро, острый'. Алфавит словаря содержит 40 букв – **а, б, в, г, g, д, дж, дз, е, ε, ё, іѳ (іо), ж, з, и, і, і, й, j, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ув, ц, ч, ш, ъ, ы, ь, т, э, ю, я**. Принципы обозначения специфических удмуртских звуков такие же, как и в книге «Сочинения принадлежащая къ грамматикѣ вотскаго языка».

Элементы орфографии словаря в основном полностью совпадают с принципами написания слов, отраженными в первой удмуртской грамматике 1775 года. Характерным для словаря является то, что после велярных аффрикат пишутся йотированные гласные буквы: *джюй* [aj] 'мохъ', *чючконъ* [eиѳkon] 'утиральникъ' и др.

В четвертом разделе «Грамматика М. Могиллина» описываются графика и элементы орфографии памятника письменности под названием «Краткой отяцкия Грамматикѣ Опытъ», написанного 1786 году. В структурном отношении памятник представлен 9 главами, в которых дается описание существительного, прилагательного, числительного, местоимения, а также глагола, наречия, предлога, союза и междометия. По каждой части речи приводится большое количество удмуртского лексического материала (более 2000 слов) с переводом на русский язык.

В грамматике М. Могиллина удмуртские слова написаны при помощи букв кириллицы, латинских (**g**, **j**) и двух греческих **ξ** (кси) и **ε** (эпсилон) графем. Алфавит, которым руководствовался М. Могилин при составлении своей рукописи, состоит из 41 буквы – (**а, б, в, г, g, д, дж, дз, е, ε, ё, іѳ (іо), ж, з, и, і, й, j, к, ξ, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ув, ц, ч, ш, ъ, ь, ы, ь, т, э, ю, я**).

Обозначение специфических удмуртских звуков в данном письменном памятнике полностью совпадает с системой графики грамматики 1775 года.

Необходимо отметить то, что М. Могилин впервые звук *ѳ* пытается передать в русской графике диграфом **ѳе** или **ѳѳ** (*къѳтъ* [kzt] 'брюхо', *пъѳзъ* [pzt] 'рукавица', *съѳзы* [szz+] 'пола, подоль'). Однако передача *ѳ* этим сочетанием непоследовательна. Этот гласный может быть обозначен такими буквами, как: а) **е** (**ε**): *кем* [kzm] 'скорлупа, чешуя', *ламъ* [l'm] 'клей, ягода черемуховая'; б) **ы**: *мыля* [mzl'a] 'грудина'; в) **э**: *эсъ* [zς] 'дверь'. Примеры передачи буквой **е** (**ε**) и **э** могут свидетельствовать и о том, что в диалекте, отраженном в данном памятнике, в перечисленных словах мог произноситься гласный э (e), как в современном бесермянском наречии: *л'эм* 'черемуха (ягода)'.

Особенностью графики грамматики М. Могиллина также является употребление в двух словах знака **ξ** (кси) для обозначения звуко сочетания *-кс-* (*-ks-*): *эξэй* 'государь', *уξіѳ* 'денги вообще'.

Орфографические особенности памятника «Краткой отяцкія Грамматики Опытъ» полностью сходны с принципами написания слов, использованными в грамматике «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка» 1775 г.

В пятом разделе под названием «Графическая система грамматик и словаря З. Кротова» наглядно показаны способы обозначения удмуртских звуков средствами кириллической графики в первой грамматике «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка», словаре З. Кротова и грамматике М. Могилина. Для большинства удмуртских звуков, а именно *a, б, в, г, д, ж, з, и, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ш, э* имелись соответствия в русском алфавите, и для обозначения этих звуков ничего нового придумывать было не надо. Однако специфичные удмуртские фонемы, чуждые русскому, передавались, в одном случае, такими знаками, которые были близки им по звучанию (*к – э, е, о; и – ч*), в другом – буквосочетаниями (*ъ – дз, ъ – дж*).

Таблица 3.

Звуки удм. языка	«Сочиненія 1775»	З. Кротов	М. Могилин
ö (z)	э, е, о, а	э, е, ы, о, я	ъе, ъѐ, е, э, ы, о, ѐ
ы (+) – инициальн. ы – жи, ши – мягк. согл. +ы	ы и жи, ши мягк. согл. + и	ы и жи, ши мягк. согл. + и	ы и жи, ши мягк. согл. + и
г (g)	г, г	г, г	г, г
йö (jz)	и, іѐ	и, jѐ	и, іѐ, іѐ
ъ (j)	дж	дж	дж
ъ (j)	дз, з	дз	дз, з
ч (c)	ц, ч	ц, ч	ц, ч
и (e)	ч, ц	ч	ч
д (e)	у, ув	ув, у	ув, у
и	и, иг	и, иг	–

Таким образом, гласный ö в первой удмуртской грамматике 1775 года обозначен четырьмя различными буквами. В словаре З. Кротова этот специфичный звук передается пятью разными знаками. М. Могилин в своей грамматике этот гласный обозначил семью различными способами (двумя буквосочетаниями и пятью знаками). Трудной с точки зрения русского языка было обозначение на письме инициального звукосочетания *йö-*, для передачи которого в первой грамматике и словаре З. Кротова используется два способа, а в грамматике М. Могилина – три. Определенные трудности возникали также при обозначении веллярных аффрикат, отсутствующих в русском языке.

Шестой раздел диссертационного исследования «Памятники удмуртской письменности первой половины XIX века» посвящен графическому и орфографическому анализу письменных памятников удмуртского языка первой половины XIX столетия. Они в нашей работе представлены

рукописными словарями, переводами текстов религиозного содержания на удмуртский язык (Евангелиями) и Азбуками.

В подразделе «Рукописные словари» анализируются три лексикографические работы первой трети XIX века: словарь языка вотяков 1816 года, словарь языка вотского 1820 года и пятиязычный словарь 1833 года, материалы которых в настоящей работе вводятся в науку впервые.

Лексический материал первого словаря очень близок, а в отдельных случаях аналогичен лексике первой удмуртской грамматики 1775 года, что было отмечено также некоторыми исследователями [Каракулов 1991: 117]. Однако в главе, посвященной прилагательным, отмечается, что «имена прилагательныя у Вотяковъ, когда стоять на переди своихъ существительныхъ, не склоняются; когда же стоять позади ихъ или безъ нихъ, тогда склоняются какъ имена существительныя» [Словарь 1816: 17]. Данное положение является очень ценным, так как ни в опубликованной грамматике 1775 года, ни в составленной чуть позже и оставшейся на долгое время в рукописи грамматике М. Могилина в аналогичных главах этого не отмечалось.

«Словарь языка вотского» был выявлен Т. И. Тепляшиной в 1960 году, ей же были сделаны фотокопии словаря и переданы на хранение в Научно-отраслевой архив Удмуртского ИИЯЛ РАН (фонд РФ, опись 2-Н, единица хранения 624). В каталоге дореволюционных книг и рукописей на удмуртском языке Б. И. Каракулова данный словарь отмечен заголовком «Недатированная литература» под номером 407 [Каракулов 2006: 197]. Составитель словаря неизвестен. Памятник представляет собой написанную четкой скорописью рукопись объемом 48 листов и включает в себя более 2900 русско-удмуртских словарных статей, расположенных в алфавитном порядке. В конце словаря другим почерком приводится несколько русских слов, которые переводятся на удмуртский язык с учетом их диалектной принадлежности, напр.: огурец – *glaz. огречь, jelab. киярь* (татар.) [Словарь 1820: 48].

Пятиязычный «Свод некоторых слов русских, пермяцких, зырянских, вотяцких и чувашских», согласно записи на его титульном листе, написан в 1833 году. Некоторые ученые отмечают, что этот словарь составлен в 1835 году [Тепляшина 1965б: 61; Алексеев 1977: 133; Каракулов 2006: 129]. Однако на 1833 год указывает и исследователь коми-пермяцкого языка Р. М. Баталова [1975: 9]. Объем данной рукописи 10 листов. На каждой странице расчерчено пять столбцов. В первом столбце в алфавитном порядке дан список русских слов. В других столбцах дается перевод русского слова на коми-пермяцкий, коми-зырянский, удмуртский и чувашский языки. Необходимо отметить, что не все русские слова имеют переводы на вышеперечисленные языки. Если в словаре дано 247 русских лексем, то из них 195 имеют перевод на коми-пермяцкий язык, 239 – на коми-зырянский, 153 – на удмуртский и 143 – на чувашский.

В исследуемых рукописных словарях удмуртские слова написаны буквами кириллицы, кроме того, литеры *g* и *j* заимствованы из латинской

графики. Алфавит словарей состоит уже не из 40–41 буквы, как в письменных памятниках последней четверти XVIII века, а из 37 (**а, б, в, г, д, ж, з, е, іо (іо, јо), ж, з, и, і (ї), й, ј, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ув, ц, ч, ш, ъ, ы, ь, ѓ, э, ю, я**). Из него выпали некоторые буквы кириллицы или латиницы с диакритическими знаками – **ê, û** (грамматика 1775 года, словарь З. Кротова), а также буквы греческого алфавита – **ξ** и **ε** (грамматика М. Могилина). Принципы обозначения специфичных удмуртских звуков, а также элементы орфографии словаря в основном такие же, как и в книге «Сочинения принадлежащая къ грамматикѣ вятскаго языка».

Способы обозначения своеобразных удмуртских звуков в рукописных словарях первой половины XIX века для наглядности представлены в таблице 4.

Таблица 4.

Звуки удм. языка	Словарь 1816	Словарь 1820	Свод 1833
ö (2)	е, э, о, а	о, э	ы
ы (+) – инициальн. <i>ы</i> – <i>жы, шы</i> – мягк. согл. + <i>ы</i>	ы и жи, ши мягк. согл. + и	ы и жи, ши мягк. согл. + и	ы ы жи, ши мягк. согл. + и
г (g)	г, г	г, г	г
йö- (jz-)	е, м, э	е, jê	–
ь (ı)	дж	ж, дж	ж
нь (ı)	дз, з	з, дз	дз, з
ч (c)	ц	ц	ч, ш
и (e)	ч	ч	ч
д (e)	у, ув	у	–
η	н	н	–

Согласно представленной таблице, наиболее трудным для обозначения удмуртских звуков является гласный ö. В словаре 1816 года он обозначен четырьмя буквами, в словаре 1820 года – двумя знаками.

Для передачи на письме инициального звукосочетания йö- в словаре 1816 года использованы три буквы, в словаре 1820 года – один знак и одно буквосочетание.

В словаре 1833 года инициальная *ы-* впервые обозначается соответствующей буквой русского алфавита **ы**, когда в предшествующих памятниках удмуртской письменности она систематически передавалась литерой **и**.

Как можно заметить, в рукописном словаре 1833 года отсутствует латинская буква **g**, в двух других же она используется параллельно с русской **г**. В последующих памятниках письменности, в частности, в Азбуках 1847 года издания данная графема присутствует только в алфавите.

Подраздел «Текстовые памятники» посвящен рассмотрению графических и орфографических особенностей первых объемных текстов на удмуртском языке – переводов клерикальной литературы. Здесь анализируются следующие источники: «Господа нашего Иисуса Христа Евангелія отъ св. евангелистовъ

Матѣя и Марка на русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Глазовскаго нарѣчія», «Господа нашего Иисуса Христа Евангеліе отъ св. евангелиста Матѣя на русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Сарапульскаго нарѣчія», «Азбука, составленная изъ Россійскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія вятскихъ дѣтей чтенію на ихъ нарѣчїи (По Глазовскому)», «Азбука, составленная изъ Россійскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія вятскихъ дѣтей чтенію на ихъ нарѣчїи (По Сарапульскому)», опубликованные в Казани в 1847 году (переизданы УИИЯЛ УрО РАН в 2003 г.).

Анализируя тексты оригинала (на церковнославянском языке) и переводов, нельзя не заметить, что удмуртская часть максимально приближена к первоисточнику, то есть предложения очень часто переведены дословно с соблюдением порядка слов в русской части. Однако в книгах «по сарапульскому» диалекту перевод осуществлен на более высоком уровне, так как конструкции в удмуртских предложениях в основном отвечают требованиям удмуртского синтаксиса.

Переводчики Евангелий и составители Азбук применили алфавит, состоящий из 41 буквы (**а, б, в, г, д, ж, з, е, іо (іо), ж, з, и, і, й, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ув, ф, ѳ, х, ц, ч, ш, ш, ъ, ы, ь, м, э, ю, я, в**). Буквы греческого алфавита **v** и **o**, а также кириллические **ф, х** и **ш** в исконно удмуртских словах не встречаются, а только в заимствованной из русского языка лексике, оригинал которой писался через эти графемы: *мврознь* 'мвромъ', *Матѳей* 'Матѳей', *Христось* 'Христось'. Графика и орфография переводов Евангелий и первых удмуртских Азбук базируются на принципах написания слов, примененных в грамматике 1775 года. Традиционным остается обозначение: 1) звука *k* – буквами **э, е** или **о** (последняя встречается в текстах глазовского наречия): *вѣлдскильям* [vɛldskil'Jam] 'они разлились', *седмамъ* [sɛdmam] 'очерненный', *восяськизь* [vɔs'as'kiz] '[он] молился'; 2) анлаутного йö- – **м, е** или **э**: *етскиса* [jɛtsk'sa] 'прикоснувшись', *энзе иштыса* [jɛnze 'st'sa] '[он] удивляясь', *тмскины* [jɛtsk'nɪ] 'прикоснуться'; 3) анлаутного *ы-* – буквой **и**: *исътызь* [st'sz] '[он] послалъ'; 4) мягкости согласной перед *о* и звукосочетания *й + о* – сочетанием графем **іо (іо)**: *кыдіокынь* [k'd'ok'nɪ] 'далеко'; 5) глухой велярной аффрикаты *μ* – буквой **ч**: *чукна-но* [ɕukna no] 'поутру'; 6) звонкой велярной аффрикаты *ь* – буквосочетанием **дж** или буквой **ж** (в основном в Азбуках): *джекъ выльысь* [ʒ vɛ'ɫs'] 'со стола', *жогэнь* [ogen] 'скоростно'; 7) глухой палатальной аффрикаты *ч* – графемой **ц** (в позиции перед мягким знаком, **и** и йотированными буквами **е, ё** (в памятниках – **іо**), **ю, я**): *церекъязъ* [ɕerekjaz] '[она] кричала'; 8) звонкой палатальной аффрикаты *нь* – буквосочетанием **дз** или знаком **з** (перед мягким знаком, **и** и йотированными буквами): *бэдзимъ* [bɛ'zɪm] 'великій', *дзюрызы* [ʒurɪzɪ] '[они] роптали' и др.

Особенностью графики текстовых памятников 1847 года издания является то, что здесь впервые в огромном количестве употребляются такие графические средства, как абзац, пробел, дефис, точка, запятая.

Однако имеются некоторые расхождения с традиционным написанием: 1) в Евангелии от Матфея на обоих наречиях и Азбуках встречаются примеры с начальным **ы**, написанные по правилам современной удмуртской орфографии: *ымыны-зы* [ʎm-nz+] 'они устами своими', *ыжъ-іѳъ-доре* [ʎjos dore] 'къ овцамъ'; 2) слова с латинской **g** встречаются только в самом начале Азбук – в алфавите и слогах, а в текстах Священной истории и кратком катехизисе, а также в Евангелиях употребляется русская буква **г**.

В таблице 5 показано, какими буквами (сочетанием букв) кириллического алфавита переводчики/издатели Евангелий и составители Азбук обозначили специфические звуки (звукосочетания) удмуртского языка.

Таблица 5.

Звуки удм. языка	Евангелие от Матфея (Глаз.)	Евангелие от Марка (Глаз.)	Азбука (Глаз.)	Евангелие от Матфея (Сар.)	Азбука (Сар.)
ö (z)	э, е, о	э, е, о	э, е, о	э, е	э, е
ы (+) – иниц. <i>ы</i> – <i>жы, шы</i> – <i>С' + ы</i>	ы и, ы жи, ши С + и	ы и жи, ши С + и	ы и, ы жи, ши С + и	ы и, ы жи, ши С + и	ы и, ы жи, ши С + и
z (g)	Г	г	г, g	г	г, g
йѳ- (jz)	э, е	э, е	э	м, э, е	е
йы- (j+)	и, ю	и	ю	и	и
ь (i)	дж	дж	ж, дж	дж	ж
ь (i)	дз	дз	дз, з	дз	дз, з
ч (c)	ц, ч	ц, ч	ц, ч, с	ц, ч	ц, с, ч
ц (c)	ч	ч	ч	ч	ч
д (e)	ув	ув	ув	ув	ув

Из элементов орфографии в Евангелиях и Азбуках 1847 года издания можно выделить следующие: 1) написание сочетания *жы, шы* через **жи, ши**: *селько-но выжи* [s'z-ko no v-ʎ+] 'родь лукавый', *ширпы-эзъ* [ʃ-ʎp-ʎz] 'спицу'; 2) обозначение палатальности *д, з, л, н, с, т* через **ь** (в абсолютном конце, а иногда и в середине слова): *кизись-ласянь* [kiz'is' las'an] 'о стятелмъ'; через букву **я** (перед *а*): *увалянь* [ʎl'lan] 'прежде'; через **е, ьэ** и **м** (перед *э*): *няньэзъ* [n'an'ez] 'хлтбовъ', *пилтмъ* [pil'em] 'облако', *тиледьлы* [til'edl+] 'вамъ'; через буквосочетание **іѳ** (перед *о*): *кузіѳэзъ* [kuz'oez] 'господинъ его'; через **ю** (перед *у*): *сюлворизы* [s'ulvoriz+] '(они) просили'; через **и** (перед *ы*): *утины* [ut'n+] 'сберечь'; 3) обозначение твердости согласного в конце слова, а иногда и в середине – перед падежным окончанием и другими (например, показателем принадлежности) – буквой **ь**, по правилам русского правописания того времени: *инмарь-лэнь* [inmarlen] 'Божій'; 4) непоследовательность обозначения удмуртского звука *э* буквой **е** или **м** после палатальных согласных и буквой **э** после велярных: *цилкытъ дераэнь* [c-ʎk-ʎt deraen] 'чистою плащаницею', *секутъ курадзэ* [s'ek-ʎt kura-ʎe] 'жестоко бтснуется' 5) непоследовательность постановки или отсутствия дефиса в словах с притяжательными суффиксами

(*кусь кэртонъ-эзъ-но* [kuskertonez no] 'поясь его', *эрикъэдъ* [eriked] 'Твое благоизволение'), в конструкциях с послелогоми (*кудызъ-сярысь* [kudz s'ar-s'] 'о которомъ', *кудызъ вылынъ* [kudz v-ʎn] 'въ коемъ'), в формах с падежными окончаниями (*попъ-лы* [popl+] 'священнику', *Инмарьлы* [inmarl+] 'Богу') и др.

Третья глава «Особенности языка памятников удмуртской письменности XVIII – первой половины XIX века» состоит из 4 разделов.

В первом разделе **«Становление и развитие удмуртской графики в XVIII – первой половине XIX века»** рассматриваются становление и динамика развития удмуртской графики в обозначенный период – сначала на основе латиницы (материалы Д. Г. Мессершмидта, Ф. Й. Страленберга, Й. Э. Фишера, Г. Ф. Миллера), затем – кириллицы (первые стихотворения, грамматика 1775 г., удмуртско-русский словарь З. Кротова, грамматика М. Могилина и др.). Большая пестрота графических знаков (до 46 графем), использованных в памятниках, составленных на латинице, может быть объяснена стремлением исследователей предельно точно фиксировать на письме фонетические особенности удмуртских слов. В 1769 году было опубликовано первое удмуртское стихотворение, написанное с помощью кириллических букв, а издание в 1775 году удмуртской грамматики под названием «Сочинения принадлежащая къ грамматикѣ вотскаго языка» окончательно укрепило позицию кириллицы в обозначении удмуртских звуков. Письменные памятники, написанные или изданные после выхода грамматики 1775 года, для передачи удмуртской речи использовали кириллическую графику с добавлением некоторых латинских и/или греческих графем. Алфавит впервые был напечатан в Азбуках на глазовском и сарапульском наречиях в 1847 году.

В разделе **«Становление и развитие удмуртской «орфографии» в XVIII – первой половине XIX века»** рассматриваются особенности написания слов в ранних памятниках письменности указанного периода. В них орфографии как нормы в прямом смысле слова еще не было, но была налична определенная система написания слов, а значит, имелись несформулированные правила (элементы) орфографии. В письменных памятниках, составленных на основе латиницы, были применены некоторые элементы правописания немецкого языка. В частности, в словах, оканчивающихся на гласный звук, очень четко обнаруживается буква **h**, которая, согласно немецкой орфографии, обозначает долготу предшествующего гласного. Не без влияния немецкого правописания, возможно, удмуртские щелевые согласные *з* (*z*) и *з'* (*z'*) в позиции перед гласным, а также в интервокальном положении обозначаются буквой **s**.

С появлением письменных памятников, написанных на основе кириллицы (переводные стихотворения 1769 и 1782 года), были заложены основы (элементы) удмуртской орфографии. В ее формировании решающее значение имела книга «Сочинения принадлежащая къ грамматикѣ вотскаго языка» 1775 года. Конечно, орфографические правила в ней не сформулированы, но, тем не менее, предложены образцы написания слов и отдельных морфем, основанные на фонетическом принципе: 1) обозначение велярности согласных конца и

середины слова **ъ**; 2) передача на письме удмуртских звуко сочетаний *жы* и *шы* буквосочетаниями **жи** и **ши** и др. Эти приемы написания сохраняются и в последующих изданиях (материалы Г. Ф. Миллера, П. С. Палласа и П. Фалька) или рукописных работах (русско-удмуртский словарь З. Кротова, грамматика М. Могилина, удмуртско-русский словарь 1816 г., русско-удмуртский словарь 1820 г. и пятиязычный словарь 1833 г.) на удмуртском языке вплоть до середины XIX века.

В Евангелиях и Азбуках 1847 года издания все перечисленные выше элементы повторяются, однако добавляются новые, присущие текстам: 1) буква **ь** (ер), обозначающая твердость согласного, применяется в середине слова не только перед вторым компонентом сложного слова, но и перед различными аффиксами – падежным окончанием, показателем принадлежности, суффиксом компаратива прилагательных и др.; 2) наблюдается непоследовательность постановки или отсутствия дефиса в словах с притяжательными суффиксами и частицами, конструкциях с послелогом, формах с падежными окончаниями, глаголах с частицей отрицания и др. Второе положение свидетельствует об изменении орфографии не в лучшую сторону.

В третьем разделе главы «**Диалектные особенности письменных памятников XVIII – первой половины XIX века**» рассмотрены диалектные явления, отраженные в письменных памятниках исследуемого периода. Несмотря на то, что в некоторых из них об определенном месте фиксации материала сообщается в названии (словарь З. Кротова, текстовые памятники) или на страницах (материалы П. С. Палласа, грамматика М. Могилина), при анализе во многих выявляется присутствие различных диалектных стихий. Это, скорее всего, объясняется тем, что при сборе лексического материала были задействованы несколько информантов, говорящих на разных диалектах удмуртского языка или тем, что слова были зафиксированы в разных местах проживания удмуртов.

Далее исследуются фонетические и морфологические явления, отраженные в письменных памятниках удмуртского языка XVIII – первой половины XIX века. На уровне фонетики выявлены следующие особенности: 1) выпадение гласного звука: *ргонь* [rgon] 'красная мтдь'; 2) прогрессивная ассимиляция гласных по огубленности: *Рунпи* [runpi] 'собака'; 3) употребление в первом слоге в позиции перед палатальными согласными *и*: *пизь* [piz'] 'мука'; 4) наличие губно-губного щелевого согласного *й̥*, встречающегося в начале слова перед гласным *а*: *увармай* [ʋartmaj] 'тесть'; 5) употребление согласного *в* в позиции между инициальным *к* и последующим гласным *а* или *и* (*ква*- // *кви*-): *Qvaaka* [kvaka] 'ворона', *Квинь* [kvin'] 'три'; 6) упрощение инлаутной (корневой) консонантной группы *-pCC-* в *-pC-*: *Кускертон* [kuskerton] 'пояс'; 7) наличие в определенных словах носового согласного *η*: *Гырпунгъ* [gʏrpuŋ] 'локоть'; 8) употребление глухой веллярной аффрикаты *μ* в инлауте перед согласным *к*: *Вычки* [vʏʃki] 'кадка'; 9) параллельное употребление *й̥* и *л'* в

анлауте перед *-Vk(-)*: *люкыско* [l'uk-s'ko] 'разнимаю' ~ *юкиско* [jukis'ko] 'раздмляю, отделяю, удмляю'.

На морфологическом уровне выявляются такие явления, как: 1) употребление с *ы*-овой огласовкой суффикса причастий «настоящего времени», образованных от глаголов I спряжения *-ыс(-)*: *Дурьысь* [dur-s'] 'кузнець', показателя формы настоящего времени I лица единственного числа глаголов I спряжения *-ыс'к-*: *утысько* [ut-s'ko] 'лаю' и деепричастия временного значения *-кы*: *визькыдъ* [viz'ak-d] 'во время твоего поста'; 2) использование суффикса множественного числа *-йос* после основы на гласную: *куйосъ* [kijos] 'руки'; 3) образование винительного падежа множественного числа имен существительных и некоторых местоимений с помощью суффикса *-ызь*: *соосызь* [soos-z] 'ихъ', *юртьосызь* [jurtjos-z] 'дома'; 4) отражение особых форм пространственных (приблизительноместных) падежей с компонентом *-н'*: *аснязь* [asn'az] 'он, она] къ себм'.

Как известно, первые переводы Евангелий были изданы на двух диалектах удмуртского языка – «сарапульском» и «глазовском». Однако, Евангелия и Азбука на глазовском наречии содержат в себе как севернудмуртские, так и южноудмуртские и бесермянские диалектные явления. И, наоборот, в Евангелии и Азбуке сарапульского наречия содержатся фонетические, морфологические и лексические особенности как срединных говоров и южного наречия, так и северного наречия удмуртского языка. По мнению многих исследователей, в ходе многолетнего перевода и подготовки к изданию Евангелий и Азбук шла серьезная работа по созданию наддиалектности в их языке.

В четвертом разделе диссертации «**Характеристика лексического состава памятников удмуртской письменности**» анализируются лексические особенности письменных памятников удмуртского языка исследуемого периода. Проанализированные источники содержат главным образом общеупотребительные слова из основного словарного фонда, которые функционировали в указанный период. Они подчеркивают особенности общественной жизни, хозяйства, быта, характерные для удмуртов в XVIII–XIX вв. В письменных памятниках отражены названия предметов, орудий, действий, способов, разных приемов, относящихся к основным видам хозяйства, явления природы и т. д.

Письменные памятники, кроме общеупотребительных слов удмуртского языка, отразили богатый пласт локальной (диалектной) лексики: *Ульмо* 'Яблоко', *Цеберь* и *Испай* 'красота', *кема* и *далаикъ* 'долго', *Кабань* и *Зуродъ* 'стогъ', *Нерь* и *Шуцйо* 'пруть, лоза' и др. Включение диалектизмов в корпус письменных памятников (особенно в XIX веке) связано стремлением к выработке общенациональной нормы удмуртского языка. Использование региональной лексики делало тексты более понятными для широкого круга читателей.

В памятниках письменности представлена также разнообразная этнографическая лексика, отражающая различные стороны жизни удмуртского народа двухсотлетней давности: быт, обычаи, различные кушанья, одежду, инструменты и т. п.: *Aschkon* 'высокий женский головной убор', *Tackjá* 'девичий головной

убор, шапочка', *кертмыль* 'оброк', *кукли* 'пирог', *туслу* 'порядок, убор в дому', *керцаль* 'кисель' и др.

При анализе памятников ранней удмуртской письменности выясняется, что многие зарегистрированные в XVIII веке слова, в современном удмуртском языке вышли из употребления или встречаются в небольшом ареале. Такие лексемы, как, например, *Ning-goron* 'женщина', *Tschiüntschi* 'крот', *пужо* 'пестрый', *шукысь* 'память', *буржо* 'зазубринка' и др., по каким-то причинам не попавшие в нормативные словари удмуртского языка, необходимо включать в издания подобного рода.

В письменных памятниках наряду с другими пластами лексики наличествуют слова, связанные с религиозными воззрениями удмуртского народа, например: *сиземь нянь* 'жертвенный хлбть', *Имаинбер* 'ангел', *Визь* 'пость', *курбонь* 'жертва', *Мыдорь* 'Божия мать'. Слова из области религии дают представление о верованиях удмуртов, о существовании в природе злых и добрых сил, о былых религиозных праздниках, обычаях и т. д.

В **заключении** излагаются основные выводы диссертации, которые можно свести к следующему:

1. Удмуртская письменность возникла (зародилась) в первой трети XVIII столетия на основе латиницы: в 1726 году немецким ученым Д. Г. Мессершмидтом был составлен рукописный дневник, содержащий солидный список удмуртских слов (около 350 лексем), а кириллица впервые была использована для записи удмуртского стихотворения в четыре строки в 1769 году.

2. Первая грамматика удмуртского языка под названием «Сочинения принадлежащая к грамматике вотсакого языка» положила конец колебаниям в выборе между латинской и кириллической графическими системами в пользу последней. Графика, алфавит а также некоторые элементы орфографии, заимствованные от русского правописания того времени, послужили основой при составлении рукописных и печатных работ конца XVIII (удмуртско-русского словаря З. Кротова и грамматики М. Могилина) – первой половины XIX века (рукописных словарей и текстовых памятников – переводов Евангелий и Азбук). Графические особенности памятников удмуртской письменности XVIII – первой половины XIX века, написанных на основе кириллицы, в основном повторяются. Зачастую разница состоит лишь в количестве букв алфавитов, примененных в письменных памятниках, и способах обозначения специфических звуков удмуртского языка.

3. В книге «Сочинения принадлежащая к грамматике вотсакого языка» 1775 года были предложены образцы написания слов и некоторых морфем – элементы удмуртской орфографии. Они повторяются в последующих письменных памятниках: словарях, грамматиках и текстовых памятниках. Однако принципы написания некоторых слов в памятниках второй половины XIX столетия, особенно в текстовых, начинают меняться. С одной стороны, система написания приближается к современной удмуртской орфографии, с другой – «орфография», предложенная в грамматике 1775 года, ухудшается (множество

вариантов написания одних и тех же форм слов; перебои в дефисном, слитном или раздельном написании).

4. В большинстве исследованных источников выявляется присутствие различных диалектных стихий. В ходе многолетней работы над переводом и подготовкой к изданию Евангелий и Азбук переводчиками и издателями была проведена серьезная работа по созданию наддиалектности в их языке, которая выразилась в объединении в текстах разнодиалектных форм. Сочетание в структуре памятников письменности северноудмуртских и южноудмуртских диалектных явлений имплицитно указывает на развитие удмуртского книжно-письменного (литературного) языка.

5. Письменные памятники содержат главным образом наиболее существенные слова из основного словарного фонда, функционировавшие в указанный период. Кроме этого, в исследованных источниках содержатся забытые, устаревшие, а также диалектные лексемы.

Положения диссертации отражены в **30 публикациях**. Основные из них следующие:

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Ившин Л. М. Традиционное и диалектное в памятниках удмуртской письменности первой половины XIX века // Вестник Чувашского университета. 2008. № 1. С. 169–173.

Публикации в других изданиях:

1. Ившин Л. М. Графические особенности удмуртско-русского словаря Захарии Кротова // Проблемы удмуртской и финно-угорской филологии: Межвузовский сб. науч. трудов / Удм. ун-т. Каф. общего и финно-угор. языкозн. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. С. 140–145.

2. Ившин Л. М. Некоторые графические особенности переводного евангелия 1847 года // Пермистика 8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Сб. статей / Сыктывкар. гос. ун-т. Каф. коми и финно-угор. языкозн. Сыктывкар, 2001. С. 99–103.

3. Ившин Л. М. Из истории изучения графики памятников удмуртской письменности // Материалы Междунар. науч. конф. «Актуальные вопросы финно-угроведения и преподавания финно-угорских языков», посвященной 30-летию преподавания венгерской и финской филологии на филологическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова / Культурный науч. и информационный центр Венгерской Республики. М.: Изд-во «Валанг», 2002. С. 200–205.

4. Ившин Л. М. Письменный памятник удмуртского языка на основе латиницы // Пермистика 9: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: Межвузовский сб. науч. трудов / Удм. ун-т. Каф. удмуртского языка и методики его преподавания. Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2002. С. 194–201.

5. Ившин Л. М. Предисловие // Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречие / УИИЯЛ УрО РАН. Сост. Л. М. Ившин, отв. за вып.

Л. Л. Карпова. Предисл. – Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. Ижевск, 2003. С. 5–12.

6. Ившин Л. М. Предисловие // Первые печатные книги на удмуртском языке: Сарапульское наречие / УИИЯЛ УрО РАН. Сост. Л. М. Ившин, отв. за вып. Л. Е. Кириллова. Предисл. – Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. Ижевск, 2003. С. 5–10.

7. Ившин Л. М. О русско-вотском словаре 1820 года // Формирование и развитие литературных языков Поволжья: Материалы V Междунар. симпозиума / Удм. гос. ун-т. Факультет удм. филологии. Каф. общего и финно-угор. языкозн. Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2004. С. 91–95.

8. Ившин Л. М. Удмуртский материал в «Своде некоторых слов...» 1833 года // Флор Васильев и современность: Материалы науч.-практич. конф. / Глазов. гос. пед. ин-т. Глазов: ГГПИ, 2005. С. 135–136.

9. Ившин Л. М. Некоторые графические особенности Евангелия от Марка 1847 года (глазовского наречия) // Марийская филология: Ученые записки, посвященные 70-летию профессора И. Г. Иванова. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2005. С. 118–121.

10. Ившин Л. М. О некоторых орфографических особенностях первых печатных Азбук удмуртского языка // Ашмаринские чтения: Материалы Межрегион. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. С. 101–107.

11. Ившин Л. М. Материалы памятников удмуртской письменности как источник для удмуртско-русского словаря // Bereczki András, Csepregi Márta, Klima László (szerk.): Ünnepi írások Havas Ferenc tiszteletére. Urálistikai Tanulmányok 18. Budapest, 2008. 345–351. old.

12. Ившин Л. М. Язык лингвистических материалов Д. Г. Мессершмидта // Рукописные памятники как предпосылки создания национальной письменности: Материалы Межрегион. научн. конф., посвященной 170-летию со дня написания рукописной грамматики пермяцкого (совр. коми-пермяцкого) языка / Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2008. С. 57–64.

13. Ившин Л. М. Предпосылки возникновения удмуртской письменности // Материалы докладов I Всероссийской молодежной науч. конф. «Молодежь и наука на Севере» (в 3-х томах). Том II. (Сыктывкар, Республика Коми, 14–18 апреля 2008 г.). – Сыктывкар, 2008. – С. 16–17.

14. Ившин Л. М. Способы графического изображения звука *ќ* в памятниках удмуртской письменности XVIII века // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2008. № 6. С. 70–72.

15. Ившин Л. М. Об истории издания и орфографии первопечатного Евангелия от Марка 1847 г. на удмуртском языке // Письменная культура народов России: Материалы Всероссийской науч. конф. 19 – 21 ноября 2008 г. / Под ред. Б. И. Осипова. Омск: Омск. гос. ун-т, 2008. С. 39–44.

16. Ившин Л. М. О рукописном удмуртско-русском словаре 1816 года // LU. 2009. № 1 (XLV). С. 44–48.